

**ИСТРИРОВАННЫЙ
БЪРЖАЛЬ
ТЕРАТУРЫ**

СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXIX

1908

и „Сборника“, содерж. соч. Г. УСПЕНСКАГО, Г. ГАУПТМАНА и гр. А. ТОЛСТОГО,
и 12 ЛЕГ „Парижских модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.
и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

обращеніа сочин. Глѣба Успенскаго“ кп. 26.

ка на „НИВУ“ 1909 г.

и съ Сборника „Нивы“, содержащихъ:

и, и полное собраніе сочиненій, въ 18 книгахъ,

СКАГО ГЕНРИКА ИБСЕНА.

и популярно-научныхъ Приложеній“.

и парижскихъ Модъ“ и пр.

доставки въ въ эк. маг. АЗОВАНІЕ. 22	7 р. 50 к.	съ достав- кою въ Пе- тербургъ . .	7 р. 50 к.	Оъ пересылкою во всѣ мѣстно- сти Россіи . . .	8 р.	за гра- нику. 12 р.
--	------------	--	------------	---	------	---------------------------

поискахъ. Картина О. Фикенчера.

въ моихъ описаніяхъ онѣ замѣчаютъ ложь. Недаромъ меня радуетъ, когда быстрымъ взмахомъ кисти мнѣ удастся влить каплю крови въ преслѣдующую меня тѣнь; и я страдаю съ безчисленнымъ множествомъ другихъ обитателей моего загробнаго міра отъ сознанія, что они погаснутъ вмѣстѣ со мною, если я не вдохну въ нихъ искру безсмертія.

То, что я сказалъ про безсмертіе,—дерзость. Но для моихъ тѣней я единственный источникъ спасенія. Надежды, которыя онѣ возлагаютъ на меня, пусть преувеличены. Ихъ безсмертію суждено, можетъ-быть, вѣчно пылиться на полкахъ книжныхъ складовъ и никѣмъ не читаемыхъ библіотекъ. А все же будущее никому неизвѣстно, и тѣни припадаютъ къ моему сердцу и неустанно просятъ крови. Случай царствуетъ вездѣ. Случаю угодно было, чтобы я отдалъ каплю крови своего сердца не тѣмъ лучшимъ, которые услаждали нѣкогда своимъ бытіемъ мое бытіе и еще не изображены, а Роману Романовичу Романенко и Макару Андроновичу Пластеру. Но причина понятна:—мнѣ хотѣлось отдалить роковую минуту—моего вѣнчанія съ Варенькой.

XXXIX. Казнь.

Роковая минута подползала. Меня повезли. Казнили меня въ церкви. Я былъ исключительный преступникъ. Меня поставили рядомъ съ Варенькой. Я стоялъ по правую ея сторону и держалъ въ рукахъ свѣчу. Я пилъ вино изъ одной съ нею серебряной чашечки. Я ходилъ съ нею вокругъ аналая. Надо мною держали вѣнецъ, который казался мнѣ сѣкирой палача. На добное мѣсто были устремлены сотни паръ глазъ, потому что всѣ съѣхались полюбоваться на мою гибель. Неопредѣленные, точно сквозь туманъ, мелькали предо мною улыбающіяся лица любопытныхъ. Я слышалъ, какъ кто-то сказалъ: „Душечка, онъ такой красавецъ, а она уродъ“. Это было преувеличено. Кажется, Варенька тоже услышала. Она подняла на меня глаза, и у нея было грустное выраженіе. Такъ смотреть виноватая собака.

Какая жестокость, впрочемъ, дѣлать вслухъ такія замѣчанія!

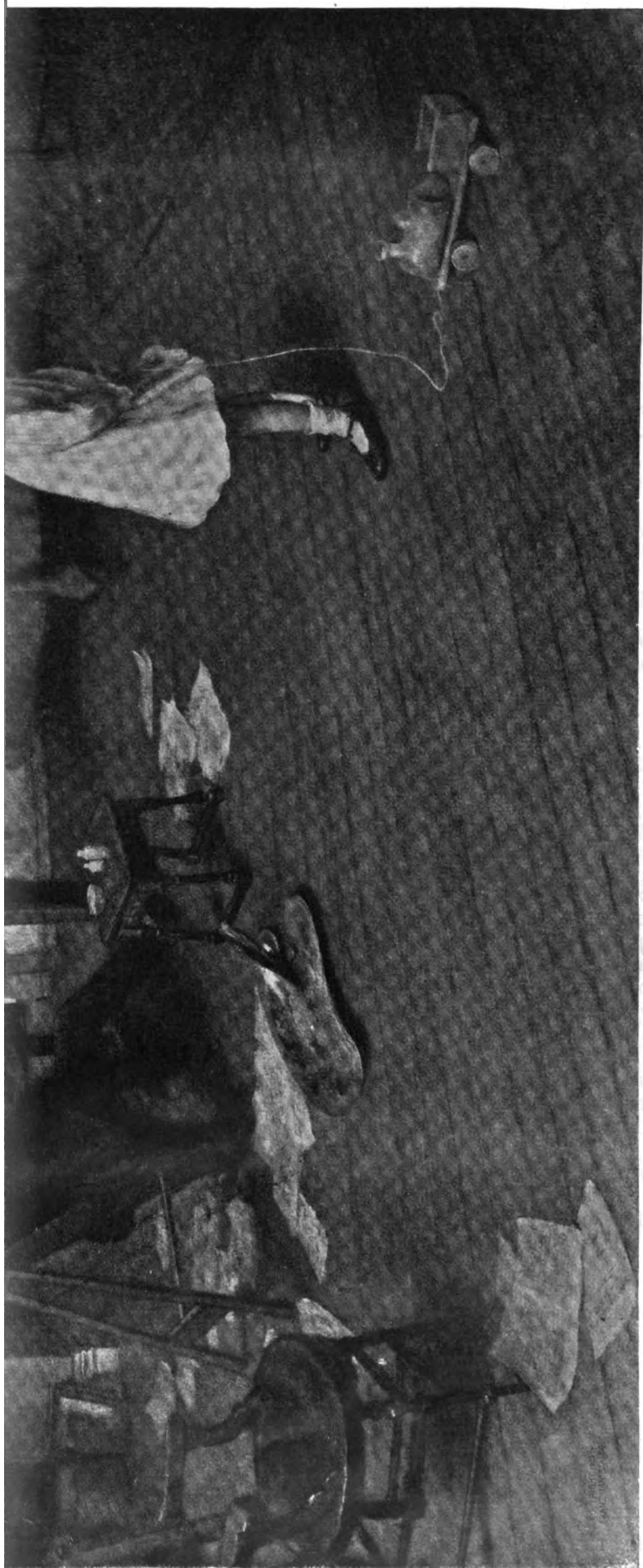
Я съ нѣкоторымъ вызовомъ бросилъ взглядъ на толпу и увидѣлъ молодое, лоснящееся, жирное лицо свѣтлѣйшаго князя Левена. Обѣ Подрумяновы стояли поодаль. Прежняя прелесть отъ нихъ отлетѣла. У нихъ какъ-то заострились носики, и суше стали улыбки, и потускнѣли глаза. Что было причиной? Такъ скоро стали увядать прекрасные цвѣты, плѣнявшіе мое воображеніе? А! Рядомъ съ Андреемъ Николаевичемъ стояла бѣлокурая красавица въ шляпкѣ, производившей скандалъ! Потомъ я узналъ, что все общество было обижено. Шляпка состояла изъ какихъ-то необычайныхъ кружевъ и драгоценныхъ блестокъ. А когда красавицѣ стало жарко, она сняла шляпку и дала держать ее свѣтлѣйшему. Тутъ произошелъ новый скандалъ. На очаровательной бѣлокурой головкѣ показалась низенькая бирюзовая діадема съ брильянтами. Глаза Вареньки тоже устремились на красавицу. Даже священникъ остановилъ на ней взглядъ. Третій, самый страшный скандалъ заключался въ томъ, что на плечи красавицы было наброшено горностаевое пардесю. Она слегка повела плечами, и князь принялъ на руки пардесю. Красавица стояла въ декольте и въ такомъ платьѣ, какого тоже ни у кого не было. Оно было кремовое съ бирюзовыми аграфами. Кто видѣлъ такія плечи и такую шею? Поблекли всѣ уздныя красавицы—и Мари и Эленъ.

Откуда однако взялась красавица? Она стояла, какъ королева. Боже, она сіяла, какъ яркая небесная звѣзда, которая появляется вечеромъ и съ наивной гордостью затмеваетъ своими лучами другія маленькія звѣзды.

Величайшая несправедливость разлита въ мірѣ. Въ то время, какъ одни молодые люди вѣнчаются съ такими дѣвушками, какъ Варенька, — увы, я ужъ считалъ неприличнымъ даже мысленно смѣяться надъ ея носомъ!—другіе, только потому, что они взысканы милостями судьбы и отъ рожденія свѣтлѣйшіе князья и богачи, мѣняють красавицъ, какъ перчатки, могутъ выставить на показъ такихъ королевъ, какъ эта бѣлокурая богиня. Кто она, недоступная, несказанно-прекрасная?

Вѣнчаніе кончилось. Тутъ я увидѣлъ, что на Варварѣ Павловнѣ пышная фата—и она напомнила мнѣ собою ветхозавѣтную Лію. Я скрѣпя сердце принималъ поздравленія. У Полины были заплаканы глаза и искусаны губы. Когда она приблизилась ко мнѣ, я спросилъ:

— Чтѣ съ тобою, Полина?

Неоконченная симфония. Картина О. Орчердсона.

ь. Ноги его были тонкія, чроны.

мъ и старикъ! Крѣпкій

— шопотомъ пробасилъ

плясъ, изумило всѣхъ. и смотрѣли на галопъ охотъ на смерть. Три выдающимися скулами .. И только какимъ-то

ругіе, глядя на Эрasta и тѣмъ достойнѣе была еніемъ и граціей. Но вшихся въ моемъ умѣ

спомъ, и можно было штаниками нѣтъ ни-мнилъ анекдоты объ Ыпостникомъ и у него домъ въ особой ком-хѣ дѣвочекъ и отку-особенно былъ стра-алившіяся глазницы, ся въ дѣвочекъ. Ка-Эрастъ Ивановичъ!

о мнѣ. Большая дѣ-ановичемъ. Полину Эрастъ Ивановичъ ть того, что я пред-ердце. Я надѣлалъ бя. Но если бы онъ а него. Я схватилъ потрясъ бы его ко-

. Она была только е золотой. Напол-авлена на столикъ и благословеніями

природу кружки. оровичъ тихонько вобрачныхъ и до-

хотѣлъ бы пере-

о приданомъ.

ь. Изъ нея пилъ ходная рѣзба и

жая кружку къ —Искусная ра-

искренно люблю

мъ, что вопросъ

о двѣ дочери...

двинуть до не-

и отъ руки. У

меня есть еще другая такая кружка. Но я хотѣлъ бы прибере-ее для Ганечкиной свадьбы.

Я всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Какъ душно,—сказалъ я.

— Должно-быть, будетъ гроза.

Я подошелъ къ черному окну, и какъ разъ мигнула зарни-словно раскрылся и съ ужасомъ посмотрѣлъ на меня чей-то н вѣдомый глазъ подъ длинною тучей, какъ подъ густой бровью.

— Ты вздрогнулъ, Родіонъ?

— Мнѣ что-то не по себѣ.

— Я приберегъ полбутылки шампанскаго... Стоить на окнѣ Выпей бокальчикъ...

— Не хочется.

— Конечно, у меня нѣтъ сыновей,—задумчиво произнесъ м-тестъ.

— Наконецъ, я думалъ, что вы и Клеопатра Семенов имѣли какія-либо совѣщанія съ мамашей, такъ какъ я подписа-какую-то бумагу и отрекся отъ права на свое имѣніе. Что-то !этомъ родѣ.

— Какъ отрекся?—прохрипѣлъ Павелъ Викторовичъ.

— Надо же имъ жить.

— Ну, а чѣмъ же ты будешь жить, да еще съ женой?—се-дито закричалъ онъ, вскакивая съ мѣста.—Ловко обработал Милое дѣльце обтяпали! Да только вы напрасно понадѣялись ! Мокрый хуторъ! Ахъ, какъ же такъ, Родіонъ, ты не посовѣт-вался со мною? Расскажи мнѣ толкомъ, что ты подписалъ.

Я махнулъ рукой.

— Не беспокойтесь, Павелъ Викторовичъ, я бременемъ д-васѣ не буду.

— То-есть?

— То-есть не стану жить на вашъ счетъ.

— А жена на чей счетъ будетъ жить?

— На свой... На вашъ...

— Ловко, поразительно чисто!

Павелъ Викторовичъ поднесъ руку къ галстуку и развязал-Лицо его покраснѣло, шея напряглась, онъ задыхался.

— Родіонъ, неизвестно, разумѣется, какую юридическую цѣ-ность имѣетъ актъ, который заставила тебя подписать Ольга М-хайловна. Можетъ-быть, онъ выѣденнаго яйца не стоить. Кста-ты студентъ и не имѣешь права заключать юридически-актовъ.

— Но я нѣсколько дней тому назадъ получилъ увольнител-ное свидѣтельство изъ университета, такъ какъ иначе я не мо-жениться.

— Аккуратно, какъ въ аптекѣ. Родіонъ, мнѣ вѣдь въ голо-не приходило, прости меня, что ты недалеко. Тѣмъ болѣе, что-взять у меня тысячу. Но теперь вижу, что я ошибся на тв-счетъ. Твоя воля, разумѣется... Не думай также, что я откл-няюсь отъ приданого. Кромѣ этой постели, лисей шубки, бр-слета съ гранатами и брошки съ эмалью... гм... гм... дюжины с-ребряныхъ ложекъ... трехъ новыхъ паръ платья, не считая ст-рыхъ, и прочая и прочая, всего не перечестъ... вотъ этой круж-и тысячи рублей, которые ты уже получилъ... я ничего не въ с-стояніи больше дать за Варенькой!

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы Мокрый хуто-остался въ пользу Ганечки.

— Но и Ганечкѣ не достанется Мокрый хуторъ.

— Почему же?

— А потому же.

— Ничего не понимаю... Впрочемъ, дѣйствительно, не м-дѣло.

Я опять прошелся по комнатѣ.

— Мокрый хуторъ не принадлежитъ мнѣ.

— Развѣ?!—вскричалъ я.

— Съ тѣхъ поръ какъ было нѣсколько неурожаевъ... и кро-того, постройка дома... Я, однимъ словомъ, на самомъ дѣлѣ, н-удачный хозяинъ. Я въ тискахъ.

— Въ чьихъ?

— А у моего племянника Ящерскаго. Я заложилъ ему Мокр-хуторъ и ни разу еще не платилъ процентовъ. Онъ дѣлаетъ о-срочки и на словахъ утверждаетъ, что мнѣ беспокоиться нече-и хуторъ останется въ пожизненномъ моемъ владѣніи... Вотъ п

— А ты зачѣмъ пріѣхать?—съ ужасомъ спросила мамаша, увидѣвъ меня.

Я отвѣтилъ точно сквозь сонъ:

— Я не замѣтилъ, съ кѣмъ я пріѣхать. Меня кто-то подвезъ.

— Но ты долженъ былъ остаться въ Мокромъ хуторѣ,—строго сказала мамаша.

— Но у тебя жена,—въ полъ-оборота черезъ плечо почти сердито произнесла Лена.

— У тебя въ домѣ несчастье, а ты пріѣхалъ къ намъ... ночью, скажите, пожалуйста!

Онѣ были холодны и безучастны и ѣли, не обращая на меня вниманія. Какъ произошло превращеніе, я не знаю; но онѣ стали мнѣ чужими. Я стоялъ у дверей и что-то пробормоталъ.

Мать величественно поднялась во весь ростъ.

— Родіонъ!—начала она:—ты уже не маленькій мальчикъ. Ты сдѣлалъ серьезный шагъ, и долгъ матери требуетъ отъ меня приказать тебѣ немедленно вернуться къ женѣ. Я приказываю тебѣ, вернись и не дѣлай скандала. Въ виду смерти Ганечки, никто, можетъ-быть, не замѣтитъ. Подумають, что ты поссорился съ Ящерскими изъ-за приданого.

— Ты очень глупо ведешь себя,—подтвердила Лена.

— Возьми сейчасъ же лошадь — я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока ты не уѣдешь!—вскричала мамаша.

Я не зналъ, на что рѣшиться. Въ душѣ моей что-то рухнуло—что-то мнѣ дорогое и близкое. Но я еще упрямился.

— Какъ же я поѣду въ дождь?—спросилъ я.

— Въ дождь? Въ какой дождь? Ужъ не съ ума ли онъ сошелъ? Нѣтъ никакого дождя.

— Его потрясла смерть Ганечки,—злорадно замѣтила Полина.

— Поѣзжай, поѣзжай домой,—нѣсколько смягчившись, торопила меня Лена.

— У меня нѣтъ дома,—сказалъ я и вышелъ во дворъ.

— Антонъ! запряги лошадь!—крикнула мамаша изъ-за моего плеча.—Положи въ карафажку бариновъ чемоданъ. Родіонъ, ради Бога, веди себя наконецъ по-людски. Твое отсутствіе можно объяснить тѣмъ, что ты разстроился и... уѣзжалъ за вещами. Прощай, да благословить тебя Богъ. Будь счастливъ. Мелочь я пришлю тебѣ завтра или на-дняхъ. Мы останемся одни безъ тебя!—растроганнымъ голосомъ закричала мать.

Я сѣлъ въ карафажку. Работникъ началъ философствовать, едва мы отѣхали отъ усадьбы.

— Вотъ такъ дѣла. Оно, дѣйствительно, нехорошій знакъ. Маленькая барышня умерла неспроста.

Я звѣреки оборвалъ его.

— Куда ѣдешь?

— Какъ куда?

— Направо ворочай.

— Направо? Богъ съ вами, Родіонъ Петровичъ. Направо мы пріѣдемъ на вокзалъ.

— Мнѣ нужно на вокзалъ.

— Родіонъ Петровичъ, извините, пожалуйста, вамъ нужно въ Мокрый хуторъ.

— Не разсуждай и вези, какъ приказываютъ.

Онъ повернулъ лошадь вправо. Мы долго ѣхали молча. Наконецъ онъ спросилъ:

— Вы хотите уѣхать?

— Развѣ ты до сихъ поръ не понялъ?

— Въ Кіевъ?

Я кивнулъ головой. Онъ притихъ и сталъ нахлестывать лошадь. Уже разсвѣло, когда мы пріѣхали на вокзалъ, погруженный въ сонъ. Впрочемъ, долженъ былъ подойти скорый поѣздъ изъ Курска въ Кіевъ. Станція черезъ часъ оживилась. Антонъ сдаль въ багажъ мой чемоданъ и не спускалъ съ меня глазъ.

— Родіонъ Петровичъ! да неужели же вы отъ жены уѣзжаете?—робко началъ онъ.

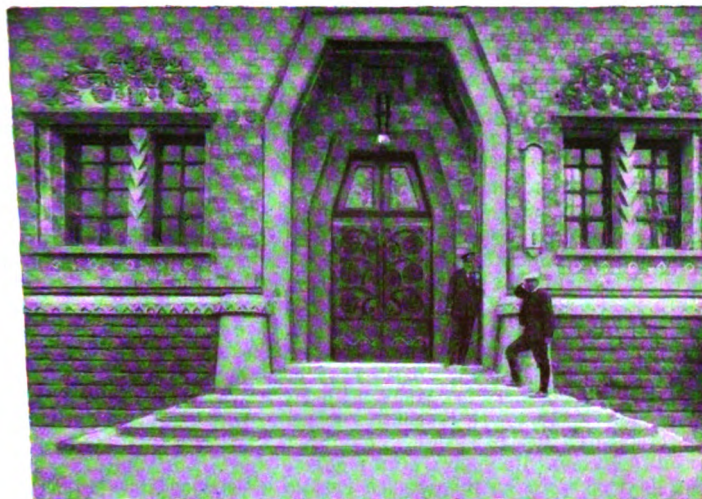
— Отъ вѣхъ.

— А кто же у насъ будетъ хозяйничать?

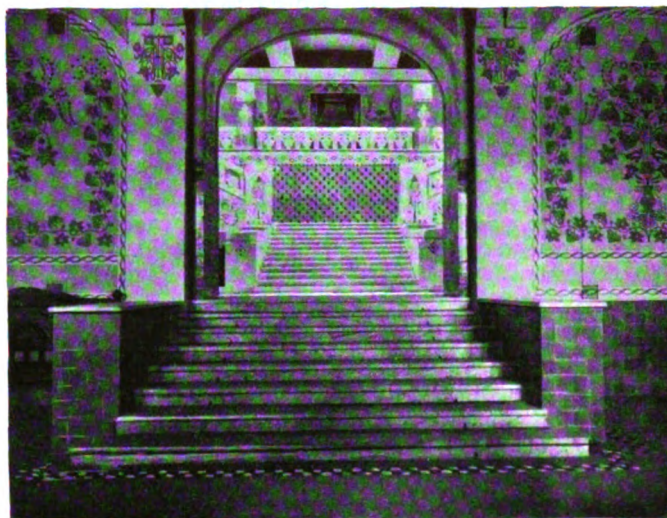
— А молодой Ящерскій съ Полиной Петровной.

Онъ закорюзлими пальцами сталъ выковыривать изъ глазъ слезы.

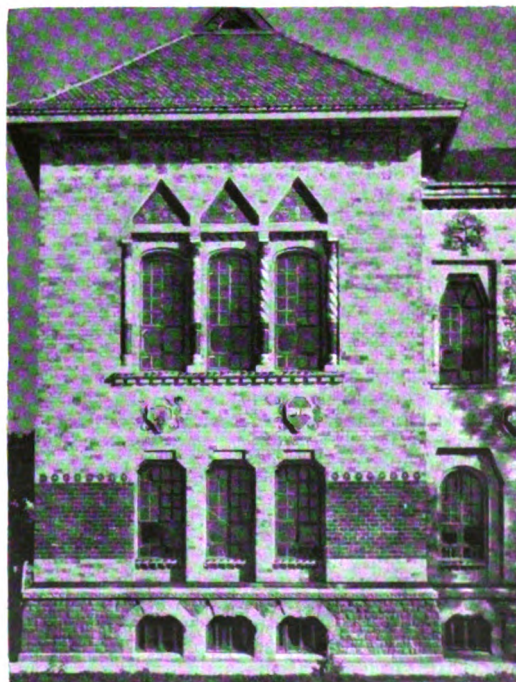
— Не иначе, что васъ обманули.—сдѣлалъ онъ предположеніе. Но я прервалъ дальнѣйшіе разговоры. Въ розовомъ сумракѣ

Фасадъ. Главный входъ.

Сѣни.

Боковые выступы по фасаду.

его, граниту улицъ, подъ сѣрымъ небомъ. И никто не обернется къ намъ, не заглянетъ въ наши широко открытые, ищущіе любви и счастья глаза. Мы чужіе здѣсь всѣмъ и каждому. Мало того: мы просто смутныя видѣнія, мелькающія и исчезающія въ вечерней мглѣ среди другихъ видѣній уличной толпы. Никто и не видитъ насъ. И только Жизнь — стокая, злая, идіотски-насмѣшливая Жизнь глядитъ на насъ сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ своими бездѣльными, какъ у спрута, глазами и тоже мечтаетъ...

Она мечтаетъ о томъ, какъ бы ей и насъ сдѣлать навѣки чужими другъ другу...

Я чувствую на себѣ этотъ пристальный гнусный взглядъ. Я угадываю это подлое желаніе, и хотя я смѣло гляжу гнусному спруту въ глаза, но сердце мое охватываетъ ужасъ.

Я крѣпче сжимаю слабую ручку моего сына и торопливо, скорѣе и скорѣе, иду впередъ — навстрѣчу моимъ мечтамъ... А маленькія, бѣдныя, усталыя ножки, путаясь и заплетаясь, спѣшатъ за мной... А прохожіе толкаются здѣсь... А небо хмурится все болѣе и болѣе, а улица становится все длиннѣе и длиннѣе...

Я пришелъ сюда издалека, * чтобы найти здѣсь пріютъ и работу. Но путь по городскимъ улицамъ оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ путь отъ моей родины до города.

Я думаю, что среди людей, въ огромномъ количествѣ сопедшихъ сюда со всей страны, я найду мѣсто и для себя. И вотъ я побрелъ отъ улицы къ улицѣ, отъ дома къ дому, въ поискахъ мѣста для себя и своихъ рукъ...

Не все здѣсь, въ этомъ мрачномъ огромномъ городѣ, темнѣло нищетою и скорбью: иногда предо мной проносилось поэтическое и радостное видѣніе богатства и счастья. За окномъ кареты мгновенно мелькало прекрасное дѣвичье лицо, освѣщенное улыбкой. Среди хмурыхъ стѣнъ и грязныхъ улицъ иногда сверкали ослѣпительные лучи богатства и наслажденія. Словно частички солнца, заблудившіяся въ закоулкахъ и дебряхъ городской тьмы, сверкали окна дворцовъ, театровъ, ресторановъ.

Тамъ мелькали веселые призраки, легкіе и свѣтлые, словно гуріи Магометова рая.

Какъ растеніе, обращающееся къ солнцу, я прежде всего обращался туда. Я стучался въ двери счастливыхъ и довольныхъ. Но веселые призраки Счастья не пустили меня къ себѣ.

— Ты чужой для насъ! Уходи прочь!

Тогда я пошелъ на заводы и фабрики, въ пріюты тяжелого труда, гдѣ вырабатывались вещи и гдѣ иногда гибли люди. Тамъ, за желѣзными рѣшетками, суетились полуголодные, измученные, прикованные къ своимъ машинамъ люди. Машины грохотали и звенѣли за оконными рѣшетками, и мнѣ показалось, что это грохочутъ и звенятъ цѣпи ихъ труда.

Мнѣ стало страшно, но одиночество еще страшнѣе. И я вошелъ туда и просилъ, чтобы и меня приковали къ ихъ общей цѣпи.

Но мнѣ отвѣтили:

— Насъ и безъ того слишкомъ много... Цѣпь слишкомъ мала для насъ. Уходи, ты не нашъ, тебѣ нѣтъ мѣста у насъ!

И я опять пошелъ по безконечнымъ улицамъ. Дождь хлесталъ меня, вѣтеръ подкарауливалъ меня, словно разбойникъ, за каждымъ угломъ и яростно стаскивалъ съ меня одежду. Мои ноги болѣли, мои глаза переставали различать окружающее. И вотъ я пришелъ въ новый домъ труда.

Тамъ сидѣли, покрытые пылью и темнотою безличія, сотни мертвыхъ людей. Они дѣлали ненужное для нихъ и чуждое имъ мертвое дѣло и тихо гнили здѣсь, словно въ огромномъ общемъ склепѣ.

Мнѣ стало жутко. Но одиночество и больныя ноги еще страшнѣе. Я вошелъ туда и просилъ мертвыхъ людей, чтобы они потѣснились и пустили меня подъ общій покровъ безличія и тьмы, гдѣ, по крайней мѣрѣ, хоть отдохнули бы мои ноги.

Такъ отовсюду гналъ меня слѣпой и бездушный городъ. Наконецъ я добрелъ до тюрьмы. Тамъ за желѣзными ставнями сидѣли еще одни узники города—его сынки—грабители, убійцы, насильники.

Я постучался къ нимъ и молилъ ихъ:

— Примите хоть вы меня къ себѣ!

Но сторожъ съ огромнымъ ключомъ въ рукахъ сердито прогналъ меня прочь.

— Ты не нашъ! Ты непричастенъ къ городскимъ преступленіямъ! Тебѣ нѣтъ мѣста у насъ!

...Я опять иду по безконечнымъ улицамъ. Но теперь я иду уже не одинъ. Не помню, когда и гдѣ и на какой улицѣ, рядомъ со мной появился безмолвный черный спутникъ. И какъ я ни спѣшилъ, чтобы уйти отъ него, онъ не отставалъ отъ меня и даже забѣгалъ впереди меня, и все росъ, какъ растетъ наша тѣнь по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ свѣта.

И я догадался, что это была Смерть, и что я удалялся отъ свѣта жизни.

Я побѣждалъ отъ нея въ ужасѣ, но спутникъ не отставалъ и забѣгалъ впереди меня и обращалъ ко мнѣ свое черное, уходящее въ темную высь лицо. Я поворачивался и бѣжалъ въ другую сторону. Но онъ догонялъ меня и опять вырасталъ предо мною.

Такъ бѣжалъ я по шумнымъ улицамъ, по грохочущей мостовой, до той поры, покуда у меня не подкосились ноги. Голова у меня горѣла, все тѣло ломило, меня билъ ознобъ. Наконецъ я упалъ и потерялъ сознание.

А когда я очнулся, то увидѣлъ, что лежу предъ воротами огромнаго темнаго дома. У воротъ на фонарѣ я прочиталъ красную надпись:

поэтъ Джонъ Мильтонъ, со дня рожденія котораго нынѣ истекло 300 лѣтъ. Писатель, котораго у насъ, какъ и во всемъ мірѣ, давно уже положили на архивную полку, приобретаетъ нынѣ для насъ особый интересъ и значеніе, какъ борецъ за тѣ самыя начала, которыя еще такъ недавно — 17 октября 1905 года — установлены у насъ и ознаменовали собою наступленіе новой общественно-политической эры въ Россіи. Мало того, мы видимъ теперь въ самихъ его «архивныхъ» произведеніяхъ яркое отраженіе этихъ началъ.

Джонъ Мильтонъ родился въ семьѣ зажиточнаго лондонскаго маклера. Дѣтство и юность у него были радостныя, обильныя свѣтлыми воспоминаніями о хорошей и дружной семьѣ. Отецъ Мильтона былъ человѣкъ для своего времени очень образованный и самъ далъ Джону хорошее первоначальное образованіе, а затѣмъ помѣстилъ его въ Кембриджскій университетъ. Мать Мильтона тоже была женщина незаурядная, умная и сердечная. У незаурядныхъ родителей и сынъ оказался несомнѣнно обыкновеннымъ ребенкомъ: уже съ 10 лѣтъ Джонъ Мильтонъ писалъ стихи и былъ необыкновенно начитанъ, и съ каждымъ годомъ въ немъ открывались все новыя и рѣдкія качества ума и сердца.

Въ 1632 году Мильтонъ кончилъ университетскій курсъ съ ученой степенью магистра и послѣ этого цѣлыхъ пять лѣтъ провелъ «на покой» въ деревнѣ у отца, изучая классиковъ и еврейскій языкъ и подготавливаясь къ самостоятельному выступленію въ жизнь. У насъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, какую профессію онъ предполагалъ избрать для себя. Весьма возможно, что онъ готовился быть священникомъ или юристомъ. Но несомнѣнно, что уже тогда онъ очень высоко ставилъ призваніе писателя и главное свое вниманіе обращалъ на литературу. Къ этому времени по крайней мѣрѣ относятся извѣстныя слова Мильтона: «Тотъ, кто хочетъ писать о возвышенныхъ предметахъ, самъ долженъ быть истинной поэмой, т. е. образцомъ всего чистаго и хорошаго. И, приступая къ восхваленію великихъ мужей и событій, долженъ заботиться о томъ, чтобы самому вмѣщать въ себѣ все достойное похвалы». Эти слова, характеризующія взглядъ Мильтона на писателя, указываютъ намъ и на его собственное стремленіе къ самоусовершенствованію. И дѣйствительно, Мильтонъ много и упорно работалъ надъ собой — и тогда и послѣ.

здѣсь Мильтона, въ которомъ имъ написана часть поэмы „Потерянный Рай“.

ъ» («Samson Agostini», изображилъ кру-
удожественное зна-

допускали полити-
блейскихъ поэмахъ
ценномъ раѣ» — по-
народа.

какой надобности,
ческія произведе-
этого служить его
ильнѣ видѣтъ въ
го онѣ даютъ, т.-е.
ь точки зрѣнія фи-

мѣ.

ляли на минувшей
войска повинно-
ажными. Этотъ за-
спуска 1-й Госуд.
ся роспуска вновь
Думу, которая об-
Комиссія госуда-
еступная агитация
зается, — признала

мѣ, чтобы законо-
юды (деп. Адже-
87-й статьѣ и от-
на народнымъ сое-
ее вторично, пра-
помимо народнаго
случаѣ не имѣетъ
ппы (деп. Ляхниц-
му что за взятку
гимъ освободиться
мѣрно на всѣхъ,—
иской повинности
и то, что думаетъ
Фракція мирнаго
никомъ образомъ
судебнымъ слѣд-
паганду—съ про-
гонадежности, и
настолько благо-
тъ вслѣдствіе зако-
тра внутреннихъ

я фракціи. Деп.
го представителя
ію, и что армія
нія которыхъ къ
гъ никакому со-
авые (деп. Пу-

ришкевичъ) признавали, что законопроектъ ограждаетъ святыню
арміи, являющейся оплотомъ внутреннего порядка въ государствѣ.

Представитель правительства, тов. мин. вн. д., д. с. с. Лыко-
шинъ, защищая проектъ съ точки зрѣнія государственной и под-
тверждая, что революціонная пропаганда дѣйствительно напра-
вляетъ въ послѣднее время всѣ свои усилія на армію, подчерк-
нулъ, что всякій внутренний врагъ всегда опаснѣе внѣшняго врага.

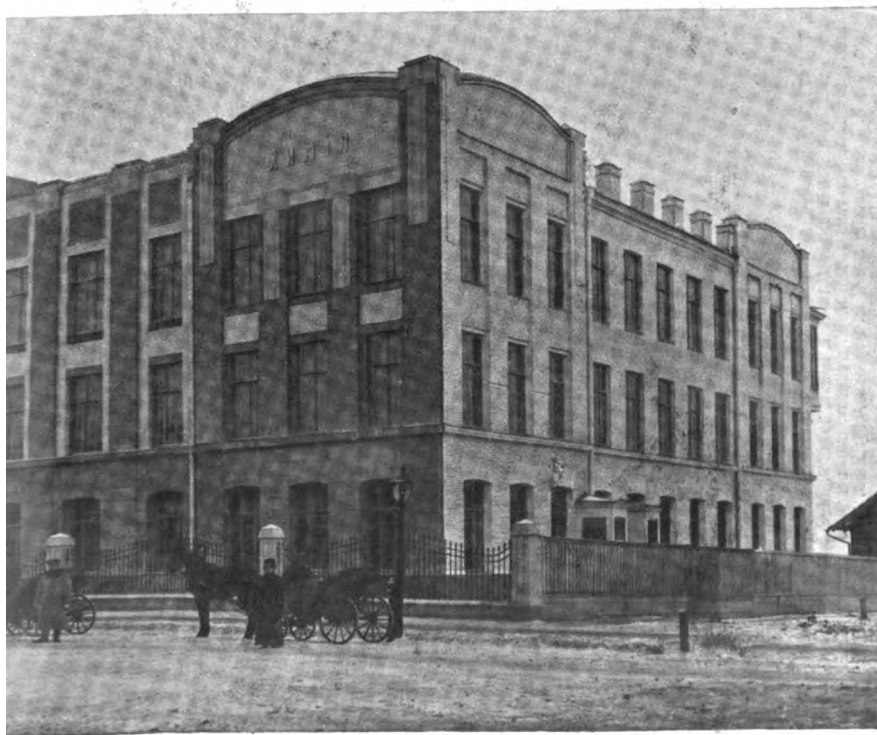
Въ результатѣ баллотировки, переходъ къ постоянному чтенію
былъ принятъ большинствомъ октябристовъ, правыхъ партій и
польскаго кола (представители котораго мотивировали свое голо-
сованіе нежеланіемъ брать на себя отвѣтственность въ такомъ
серьезномъ вопросѣ, касающемся арміи, какъ военной силы), про-
тивъ всей оппозиціи, начиная съ мусульманской фракціи.

Въ томъ же засѣданіи продолжались пренія о церковно-приход-
ской школѣ, начавшіяся 2 ноября. Въ основу ихъ легло заклю-
ченіе комиссіи по народному образованію о желательности вне-
сеннаго 94 депутатами законодательнаго предложенія объ ассигно-
ваніи на 1908 г. по смѣтѣ Св. Синода 4 милл. р. на устройство
новыхъ церковно-приходскихъ школъ. По объясненію оберъ-про-
курора Св. Синода гофм. Извольскаго, для поддержанія церков-
ныхъ школъ во всей имперіи надо 10 милл. р.; изъ бюджетныхъ
соображеній правительство вынуждено было ограничиться на
1909 г. кредитомъ въ 1 милл., но если бы найдены были источ-
ники для ассигнованія большей суммы, то православная церковь
приняла бы его съ глубокимъ удовлетвореніемъ.

Фракція к.-д. и м.-о. и лѣвые крестьяне высказались противъ
предложенія, исходя изъ принципа, что государственная школа
должна быть едина и подвѣдомственна мин-ству нар. просв. Тру-
довая группа и фракція с.-д. не сочувствуютъ ему потому, что
направленіе церковныхъ школъ противорѣчитъ требованіямъ на-
рода въ дѣлѣ образованія. Октябристы, находя, что и въ нападкахъ
на церковную школу и въ похвалахъ по ея адресу есть большая
доля преувеличеній, предлагали поручить комиссіи детальную раз-
работку проекта. Зато правые и умѣренно-правые, вмѣстѣ съ на-
ціоналистами, высказали, что церковно-приходская школа соотвѣт-
ствуетъ самому духу русской націи, что духовенство не можетъ
отказаться отъ своего права учительства и не отдастъ церковно-
приходскихъ школъ, потому что это значило бы навсегда лишиться
самаго лучшаго способа вліянія на народъ; поддержаніе церковной
школы есть лишь слабая дань справедливости величайшимъ за-
слугамъ православной церкви и православнаго пастырства. Вы-
ступившій въ 14-мъ засѣданіи Гос. Думы гофм. Извольскій указалъ,
что церковная школа, какъ самостоятельная отъ свѣтской,—реаль-
ный фактъ, котораго нельзя игнорировать; церковная школа всюду
сыграла большую роль, и ее нужно сохранить, какъ драгоценнѣйшее
достояніе русскаго народа.—Дальнѣйшія пренія отсрочены.

Въ 15-мъ засѣданіи, 14 ноября, на повѣсткѣ стояло обсужденіе
внесеннаго крестьянами законопроекта о надѣленіи безземельныхъ
землею, однако голосами части мирнообновленцевъ, поляковъ,
центра и правыхъ законопроектъ этотъ переданъ въ аграрную
комиссію на заключеніе о желательности, — иными словами, какъ
выразился деп. Булатъ (тр.) — спрятанъ подъ сукно.

Наконецъ, въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ (15-мъ и 16-мъ)
продолжались пренія по аграрному закону, ограниченный уже
10 минутами для каждого оратора, что заставило многихъ запи-

Кенскихъ курсовъ въ Москвѣ, открытое 9 ноября 1908 г.

Эренталя повлекла за
ажбу парламентского
империализма во всѣх сферах
энергичное противодей-
ствие. Тамъ, гдѣ царилъ
еще снова гнетъ, а не
аннексіи явились
беспорядки съ возму-
тившимся универ-
ситетомъ — жестоко
давилъ Чехію, въ
Польше обратнымъ
сдѣлать изъ жертвъ
всѣхъ Чехію, давно

Всего печальнѣе для австрійскаго правительства, что броженіе,
охватившее страну, не можетъ не отражаться и на арміи. Въ
сербскіе предѣлы чуть не ежедневно перебѣгаютъ иногда даже
цѣлыми взводами и полуротами австрійскіе дезертиры. Въ славян-
скихъ полкахъ происходитъ глубокое броженіе, организуются за-
говоры, производится множество арестовъ съ преданіемъ суду и
разстрѣлами виновныхъ въ государственной измѣнѣ. Наканунѣ воз-
можной войны правительство не можетъ полагаться на вѣрность
своей арміи, а такое недоувѣріе и само по себѣ уже разрушаетъ
надежду на побѣду. Съ прибытіемъ послѣднихъ батарей скоро-
стрѣльных пушекъ Крезо и послѣдняго транспорта со ста тысячь
маузеровскихъ ружей и съ десятками миллионныхъ патроновъ, воору-
женіе Сербіи можетъ считаться почти законченнымъ. Черногорія,
которая всегда живетъ въ ожиданіи войны, оказалась уже заранѣе
вооруженной подаренными Италіей тяжелыми орудіями, сорокъ

ый для торжественнаго траурнаго богослуженія по скончавшимся императоръ
О ноября с. г. По фот. А. Оцуна.

ли- штукъ которыхъ поставлены надъ австрійской крѣпостью Каттаро
зы- на недостигаемой высотѣ для ямѣющей малый наклонъ судовой
ю- артиллеріи броненосцевъ. Въ довершеніе несчастья, австрійская
на- артиллерія до сихъ поръ еще не перевооружена скорострѣльными
а- пушками и, несмотря на многочисленность, будетъ качественно
ія значительно уступать сербской, если, конечно, германцы не снабдятъ
ь испавшихъ въ бѣду союзниковъ своими пушками.

е Въѣшнее политическое положеніе Австріи, пожалуй, еще труд-
и нѣе. Балканскій союзъ, о которомъ въ началѣ кризиса мы гово-
рили, какъ о самомъ естественномъ выходѣ изъ положенія, за-
нятаго Эренталемъ, сталъ уже совершившимся фактомъ: Турція
при содѣйствіи Англіи заключила наступательный и оборонитель-
ный союзъ съ Сербіей и Черногоріей и достигла, повидимому, со-
глашенія съ Болгаріей, обеспечивающаго и ея присоединеніе къ
союзу. Въ военномъ отношеніи балканскій союзъ представляетъ
себою силу, болѣе чѣмъ достаточную для обузданія Эренталя.
Укрѣпляясь въ чувствѣ солидарности, турки и сербы, повидимому,
ясно сознаютъ свою силу, чѣмъ и объясняется конфузная неудача
послѣднихъ дипломатическихъ шаговъ Австріи. Австрія грозилъ
Турціи, что сочтетъ ея сближеніе съ Сербіей поводомъ къ раз-
рыву, — но турки пренебрегли ея угрозами. Австрійскій посолъ въ
Константинополь грозилъ отъѣздомъ въ случаѣ перерыва перегово-
ровъ объ австро-турецкомъ соглашеніи насчетъ аннексіи и въ
случаѣ продолженія бойкота австрійскихъ товаровъ, но бойкотъ